

ПРИ ЖЕЛАНИИ творческий портрет Игоря Горбачева можно нарисовать несколькими штрихами.

Удачливая актерская юность, когда никому неведомый любитель, студент философского факультета покоряет сердца кинозрителей и удивляет выдавших виды специалистов своим уморительно смешным, обаятельным Хлестаковым. Стоять же уверенно и стремительно он чуть позже обживает драматическую сцену в труппе Ленинградского БДТ. Затем — ровное, без особых перепадов, восхождение к актерской зрелости среди славных мастеров Пушкинского театра: ясный путь, длиной в четверть века, на котором часто встречались розы и почти не бывало терний. И как завершающий штрих — нынешняя стабильная популярность многочисленных экранных и сценических героев известного актера, чей талант неоспорим, а мастерство общеизвестно.

Однако этот эскизный набросок если и не искажает оригинал, то и не передает многого: художнических пристрастий, степени гражданской активности, места и роли в общетеатральном процессе и так далее. Думаешь, сегодняшний Игорь Горбачев — значительное, но вместе с тем и довольно сложное художественное явление, требующее не столько констатации сделанного, сколько серьезного, всестороннего анализа.

Разумеется, мы далеки от мысли, что такого рода задача может быть решена в предла-

В роли Иванова актер как бы продолжает тему. Не случайно и Иванов помещен режиссером (А. Сагальник) в среду, лишнюю дневного света и воздуха. Образно говоря, он живет на дне, окруженный людьми, в различной степени приспособившимися к тягучему, бездуховному существованию. Горбачев очень точно играет внутреннюю борьбу своего героя. Ему, сильному, тонкому, умному человеку, претит беспробудная жизнь в сумраке дня, но уже нет душевных сил на то, чтобы «выплыть». Он никогда не обратится в жалкое, истеричное Шабельского или опустившегося Лебедева, никогда он не будет «петь Лазаря» ради феминистского самоутверждения Саши. Но иной жизни для него нет, а потому — лучше смерть. С чувством облегчения, даже помолодев в эту минуту, принимает Иванов-Горбачев роковое решение.

Эта актерская работа во многом полемика по отношению к некоторым последним театральным прочтениям характера чеховского героя. Горбачев и здесь последовательно принципиален, отстаивая собственную позицию. Он не хочет играть жалкого, безвольного, раздавленного жизнью интеллигента. Это не его тема. В своей недавней статье о классике на страницах журнала «Театральная жизнь» Горбачев справедливо замечает: «Если в Иванове увидеть мелкого, нелепого неудачника, чуть смешного, опустившегося, которому все безразлично, тогда становится непонятным финал. Почему он стреляется, — заурядность прекрасного жила бы себе на свете, бриллиант и плохое настроение были бы ее делом».

В четвертый раз Горбачев предстал перед краснодарцами в роли молодого кораблекрушителя Вила из спектакля «Ночь, без звезд» по пьесе А. Штейна. Также талантливым (правда, тут приходится верить

ЕГО ГЛАВНАЯ РОЛЬ

гаемых заметках. Нам бы хотелось поделиться лишь некоторыми соображениями, связанными с творчеством народного артиста СССР Игоря Олеговича Горбачева, в той мере, в какой наши впечатления могли сложиться на материале гастрольных выступлений Ленинградского академического театра драмы имени А. С. Пушкина в Краснодаре.

Прежде всего необходимо принять в расчет, что в сегодняшнем облике Горбачева-художника неразрывно соединились три различных творческих начала: актер, режиссер, художественный руководитель. Как актер он должен быть эталоном мастерства и исполнительской манеры, мерилом профессионализма и отношения к профессии. Как режиссер он должен на эстетике обнаруживать свои эстетические привязанности, свое понимание природы и общественного предназначения театрального искусства. И, наконец, как художественный руководитель он должен прокладывать генеральное русло развития старейшего русского театра, быть личностью, способной создать и сфокусировать вокруг себя коллектив единомышленников.

Итак, трижды «должен». Это те «предлагаемые обстоятельства», вне которых творческий облик Игоря Горбачева может оказаться либо облегченным, либо, того хуже, искаженным. **САМ ГОРБАЧЕВ** в шутку называет режиссуру своим хобби. Вряд ли это так. Уже хотя бы потому, что его первые самостоятельные постановки датируются серединой 50-х годов. И в дальнейшем он неоднократно пробовал себя на этом нелегком, но заманчивом поприще. Но дело даже не в стаже и количестве постановок. В конце концов, кто из крупных актеров не «баловался» режиссурой? По всему чувствуется, что этот род деятельности для него не побочное увлечение, что он осваивает трудное режиссерское ремесло всерьез и надолго. Во всяком случае, такое впечатление оставляет его спектакль «Пока бьется сердце» по пьесе Д. Храбровицкого, спектакль, достоинства которого в первую очередь определяются зрелой режиссурой.

В союзе с художником (Д. Лидер) Горбачев нашел своеобразный и точный зрительный образ. Сцену охватывает многоярусный полукруг амфитеатра. С началом действия все места, а их не меньше пятидесяти, заполняются людьми в белых халатах и шапочках. В сочетании с доносящимися по радио глухими ударами сердца возникает эффектная, спелая картина современно оборудованного конференц-зала в крупной кардиологической клинике.

Но это, так сказать, бытовая, утилитарный пласт сценографии. Ее образная природа в другом. Сцена, если приглядеться внимательно, напоминает окруженную уступами местами арены древнего театра. Только арена не для зрелищ, а для исповедей. Это не столько коллизии, сколько форум, куда выносятся самые жгучие, самые «больные» вопросы бытия. И усиленные динамиками глухие, ритмичные удары приобращают теперь иной смысл, напоминая нам, что как в древности, так и теперь вопрос вопросов, начало всех начал, краеугольный камень существования мира — это жизнь человеческого сердца в соотношении его биологической функции и духовных начал.

Так, спелая образная и конкретная, светлая и вечная, режиссер повараживает новой гранью известный конфликт между прагматизмом и духовностью. Пафос спектакля в частной защите простейших человеческих чувств, способных потеряться «в громаде буден», — доброты, чуткости, деликатности, сострадания...

Над пределом полету человеческого разума — это жизнь в удивительный век, который сметает научным завоеваниями... — скажет в финале спектакля его главный герой. — А человек? Человек неизменен. И по-прежнему он раним и уязвим он, как прежде...

Можно, утверждает спектакль, проникнуть в живое человеческое сердце: оперировать острый инфаркт, заменять клапаны, делать пересадки... Можно, в конце концов, создать искусственное сердце. Это уже завтрашний день медицины. Но нет и никогда не будет клиники, где смогут удалить из сердца черствость, зависть, равнодушие... Здесь каждый человек сам себе хирург. Наша душевное здоровье в первую очередь зависит от нас самих. И что еще важнее — друг от друга. Ибо сердечная недостаточность почти всегда бывает следствием недостатка сердечности.

Спектакль «Пока бьется сердце», помимо стройной режиссерской концепции, интересен и своей лирико-публицистической тональностью. Его внутренняя динамика состоит в постоянном движении от личных проблем, от интимных человеческих пролалений к размышлениям широкой общественной значимости. Гармоничное переплетение личного и общественного режиссер достигает, с одной стороны, подчеркнутым вниманием к детальной психологической разработке взаимоотношений и, где позволяет материал, отдельных характеров, а с другой — созданием непрерывной панорамы жизни непрерывной сложной организации массовых сцен и удачного использования сценической техники.

Нужно сказать, что давно уже не приходилось видеть на сцене такого своеобразного многофункционального использования массовки. Это и аудитория, и к которой обращена исповедь главного героя, и непосредственные участники событий, и античный хор, безмолвно комментирующий действие своими единичными реакциями, всегда совпадающими с нашими ощущениями. Тот же «хор» несет в спектакль особую поэтическую окраску, создает атмосферу различных мест действия — дождливую унылость столичной осени, задумчивый покой зимнего Крыма, фантастическую загадочность ночного аэропорта.

И еще об одной стороне спектакля следует сказать особо. Речь идет о циркулезном проникновении в профессиональную производственную сферу современной медицины. Точный отбор деталей, натуральность технической техники, безупречный профессионализм поведения медицинского персонала, на редкость достоверная атмосфера сложной операции и подготовка к ней — все это демонстрирует новую, более высокую степень проникновения в конкретность происходящего, что, как известно, лежит в русле сценических поисков наиболее интересной современной режиссуры. Конкретность деталей и поведения героев в сочетании с открытой условностью режиссерского приема придает этой постановке должную меру театральной зрелищности.

Разумеется, не во всех своих звеньях спектакль безупречен. Но его подробный анализ не входит в нашу задачу. Нам важно было понять, какое место занимает сегодня режиссура в творческой лаборатории Горбачева. И каково ее влияние на художественную жизнь коллектива. С этих точек зрения обнадеживает его образное мышление, концептуальность постановочных решений, привлечение свежих, подчеркнуто условных средств сценической выразительности. Тем более, что такой режиссерский язык еще совсем недавно считался неприемлемым для творческого метода Пушкинского театра.

СЕГОДНЯ Игорь Горбачев не просто актер, а, как говорили в старину, первый актер труппы. Причем такое положение в коллективе ни в коей мере не узурпировано им властью художественного руководителя. Оно естественно сложилось вследствие неизбежного процесса смены актерских поколений и объективно отражает масштаб дарования артиста. Так или иначе, но положение это, в известном смысле, уникально, потому что Горбачев практически не ограничен в выборе ролевого материала. Так что каждая новая работа закономерно выражает его гражданские интересы, литературный вкус и, наконец, его представления о собственных актерских возможностях.

На гастроль в Краснодаре Горбачев играл в четырех спектаклях. Еще в трех не играл, хотя и значился в программах.

Как это не покажется странным, равный материал для размышлений дают не только сыгранные, но и несыгранные роли.

В спектакле «Пока бьется сердце» актер создает образ талантливого врача, крупного организатора медицинской науки, одержимого новыми идеями в области хирургии сердца. На примере столь крупной личности особенно приметными становятся исследуемые театром внутренние противоречия между масштабами научно-технического прогресса и духовной жизнью отдельного человека. Именно Крымов-Горбачев, без остатка отдающий себя благородному делу спасения гибнущих сердец, оказывается способным невзначай, мимоходом нанести смертельную рану сердцу, может быть, самого близкого из людей.

Роковая потеря приводит его к осознанию того, что можно, оказывается, любить человечество, не любя человека, и рождает страстную исповедь, пронизанную чувством драматической вины.

В этом спектакле герой Горбачева живет как бы в двух временных измерениях. Ретроспективно идут сцены, которые можно условно определить, как путь к прозрению. И сцены, которые отражают боль прозрения. Переход от одного состояния к другому — самое, пожалуй, трудное в этой роли, как она написана у автора. Здесь есть реальная опасность впасть в иллюстративность, обратиться в рассказчика, потерять цельность и глубину характера. Горбачев это своевременно почувствовал и избрал, на наш взгляд, единственно верный путь. Он избегает строить водораздел между тем и другим Крымовым. Уже в той, ретроспективной части роли у него видны нравственные муки, звучат нотки досады из-за интуитивного ощущения своей неосознанности в области человеческих чувств. В то же время другая часть роли он не перегружает трагизмом раскаяния, сосредоточиваясь на другом — на страстном желании достучаться до многочисленных сердец, предостеречь от ошибок, которые он уже совершил и которые ежеминутно совершает каждый из нас. В эти моменты общественный темперамент актера достигает большой силы воздействия, а его гражданская боль, кажется, переносится далеко за пределы зрительного зала.

Два классических героя Горбачева — чеховский Иванов и горьковский Протасов («Дети солнца») — тоже крупные, одухотворенные (Иванов, правда, в прошлом) человеческие личности. И у них, как у Крымова, ощущим внутренний разлад между общественным предназначением и собственным духовным миром. Но их противоречия совсем иного свойства. И Протасов, и Иванов, какими их играет Горбачев, находятся в остром конфликте со «средой обитания». Мы не случайно употребили термин из животного мира. Протасов, подобно «слапому ироту» (определение Горького), живет как бы в подземной норе, окруженной жестоким, темным, уродливым в своей иррациональной бездуховности миром. Ему нет выхода. Его заманчивые мечты, его тяга к познанию тайн природы, его жажда всеобщей гармонии наталкиваются на глухое, враждебное непонимание. Поэтому все его красивые слова и мысли, его вдохновенный творческий труд — не более чем фикция, мираж, бесплодная трата душевных сил.

Горбачев играет красивого, талантливого человека, которому еще не отирывался драматизм его положения, который еще верит во всеобъемлющую силу разума. Зато этот драматизм ощущаем мы из зрительного зала. Может быть, когда-нибудь и он «надрывается», как Иванов. Но пока этот момент не наступил. И пройдя через все перипетии спектакля, Протасов-Горбачев остается тем же, что и был вначале. В данном случае отсутствие развития обуславливает не просчет, а принципиальная позиция исполнителя, который верит в протасовых, который не становится в позу адвоката своего героя, но и не спешит стать его прокурором.

на слово), обаятельный человек. И тоже с довольно сложной внутренней жизнью. Чувствуется, что актер увлечен ролью. Играет он ее звонко, заразительно, с хорошим юмором. И здесь есть драматический слом, когда выясняется, что его веселость, внешняя независимость и невозмутимость — это лишь попытки скрыть горечь и пустоту, вызванные уходом жены.

Как и в других ролях, актер щедро расходует душевную энергию. Горбачев вообще из тех, кто не умеет играть «в полнакала». Но вот упал занавес, и из головы не выходит безжалостный в своей лаконичности вопрос: «Ну и что?». Во имя чего искренне страдал и искренне боролся со своим страданием его герой? На что в течение трех часов тратил талант и силы большой артист? Чтобы убедить нас, что на свете есть большая любовь? Что уход жены — это серьезная душевная рана, которая может не затянута даже за «семь лет и три недели»? Стоит ли нас в этом убеждать? Тем более, что в драматические обстоятельства пьесы очень трудно верить, столько здесь случайного, надуманного...

Впрочем, это уже другая тема. Для нас важно отметить следующее: играй эту роль на том же исполнительском уровне кто-нибудь другой, возможно, он и снискал бы славу. Для Горбачева этот самый Виль со всеми его семейными неурядицами слишком мелок. Актер способен на гораздо большее, на роли подлинного драматизма, большой жизненной правды, широкого общественного дыхания...

Видимо, Горбачев это понимает и потому почти не играет теперь главного героя в «Часе пик» и некоторые другие из своих прежних ролей. Трудно, наверное, расставаться с героями, с которыми сжился за многие годы. Но это единственно достойное актера решение. Истинные поклонники его дарования усматривают в этом акт художественного мужества и требовательности к себе. Да, не эти роли определяют сегодня творческий уровень Горбачева. И, к слову сказать, не эти спектакли определяют творческое лицо коллектива.

ГОРБАЧЕВ стал художественным руководителем в сложный период истории Пушкинского театра. Мы уже упоминали о смене актерских поколений. Сейчас ответственность за судьбу «Александринки» легла на плечи тех, чье становление произошло «за могучей спиной» прославленных корифеев — Вильена, Симонова, Черкасова, Меркурьева, Скоробогатова, Честнокова, Толубеева, Борисова... Но это не единственная трудность.

Театральное искусство, как и жизнь, не стоит на месте. Новое время диктует новый способ игры, иные выразительные средства.

Сейчас по-существу рождается новый театр. И многое здесь будет зависеть от его художественного руководителя. Очень важно и ответственно завершить плавный переход на новые рельсы сценической выразительности и при этом не сойти с фундамента реалистических традиций старейшего русского театра. Если иметь в виду историю «Александринки», то миссия Горбачева без пренебрежения следует считать исторической.

О заметных ростках нового уже теперь можно говорить с уверенностью. Радует привлечение молодой, талантливой режиссуры, тонких сценографов, новых актерских имен. Радуют и интересные сценические поиски самого Горбачева. Ведь именно ему, художественному руководителю, актеру, режиссеру, предстоит сыграть центральную и самую ответственную роль в сложном процессе начавшейся перестройки. Как-то ей исполнит ее, эту самую главную роль всей своей творческой жизни? **Р. КУШНАРЕВ.**